

Лу Синьянь вылетел в коридор как битая собака. В одной руке — одежда, в голове — мантра: «Провал — мать успеха.» Три раза повторил, чтобы не разреветься тут же на месте.

Жестокий Цзян Цзи... Ну что за зверь!

А он точно гей? Потому что пока выглядит прямее линейки.

С опущенными ушами и остатками гордости Лу Синьянь поплёлся в свою комнату. Чем дальше думал, тем сильнее хотелось провалиться сквозь пол и откатиться куда подальше от собственной «стратегии». В конце концов он нашёл тот самый злосчастный форумный пост — и пошёл раздавать баны всем умникам, что наплели ему эти «лайфхаки для холодного краша».

После этого открыл Вичат и выдал в ленту что-то вроде: «Завтра погода классная, думаю на гору сходить» — мол, расслаблен, не при делах, всё окей, ничего не случилось.

Потом шлёпнулся на кровать, зажмурился и подумал с тоской: «Завтра что-нибудь придумаю...»

Всю ночь Лу Синьянь крутился на кровати как белка на сковородке. Под утро приснился жуткий кошмар: Цзян Цзи вдруг берёт — и выходит из шкафа. Но самое страшное — выходит ради какого-то страшнучего мужика. Лу Синьянь весь такой заботливый во сне, подходит, шепчет брату на ухо: «Ты что, ослеп? Он же лысый кабан.» — за что тут же ловит от Цзян Цзи подзатыльник.

Днём он ещё держался, а во сне — сдался. Проснулся с лицом «готов убить».

А в это же время Цзян Цзи... спал тоже. Только его сон был вовсе не кошмаром. А таким... слишком в тему.

И это злило куда больше любого ужаса. Ему сейчас точно не до романов, не до игр. В отличие от Ли Лина, который вечно готов прыгнуть под кого угодно при удобном случае, Цзян Цзи всегда держался за своё правило: или чувства, или никак. Но, чёрт возьми, он же не монах. Инстинкты никто не отменял.

Что хуже всего — он даже не разобрал толком, кто ему снился. Всё начиналось смазано: комната вроде знакомая, но без деталей, только тепло и полумрак. Никакой завязки — сразу короткое дыхание, жадные поцелуи, тяжесть чужого тела под ладонями. Он явно главный: держит за волосы, диктует темп, сжимает запястья, чувствует под собой, как второй послушно изгибается, двигается, жадно цепляется губами за его кожу.

Всё слишком реально — пот горячими каплями стекает по вискам, простыня сбилась в комок, пальцы впиваются в чужие лопатки. Каждый выдох отзывается внизу живота.

Финал сорвал крышку напроць: «второй» поднимает голову, дыхание обжигает ключицы — и вдруг весь этот туман сна чуть рассеивается. Сквозь полузакрытые ресницы — лицо. Слишком знакомое. Лу Синьянь, чёрт бы его побрал.

— Братик.

Цзян Цзи открыл глаза, как будто его окатили ледяным душем.

Сразу в ванную — холодный душ, попытка забыть. До утра так и не уснул, мысленно успел обматерить Лу Синьяня раз сто.

Хорошо хоть суббота — не надо тащиться в офис с этим позором в голове.

Цзян Цзи в субботу впервые за сто лет позволил себе выключить будильник и сполз вниз только в десять утра. Чудо из чудес.

Внизу Лу Юн спокойно смотрел новости, а Цзян Ваньи болтала с домработницей — полная идиллия.

Увидев его, Цзян Ваньи прыснула от смеха:

— Ну всё ясно. Сегодня точно что-то случилось. Наш генеральный директор, и вдруг в кровати залежался?

— Да не спалось, — буркнул Цзян Цзи.

— Чудеса, — протянула мать, покачав головой. — Зато Синьянь сегодня примерный — с утра ни свет ни заря встал, пробежался, теперь на кухне колдует. Иди поешь, а то остынет.

Цзян Цзи молча кивнул и пошёл на кухню.

Он только шагнул за порог — а Лу Синьянь уже настороженно обернулся на звук. Цзян Цзи, весь такой «ледяная глыба», встретился с ним взглядом — и воздух моментально упал до минус тридцати. Лу Синьянь вздрогнул:

— Чего? Ты ещё сердишься?

Цзян Цзи промолчал. Здесь любые слова были лишними.

На завтрак — пельмешки в пароварке, с мясом и с овощами. К варёным булочкам Цзян Цзи всегда относился с прохладцей — но овощные ещё хоть как-то шли.

Лу Синьянь знал его вкусы как свои пять пальцев — специально отложил овощные, ещё и заморочился: яичко поджарил, помидорки, зелень, ветчину — всё сложил в тост и выложил рядом с пельменями. На любой вкус, лишь бы подошло.

Цзян Цзи молча потянулся за сэндвичем.

— Я сам сделал, — тут же выдал Лу Синьянь с гордым видом.

Цзян Цзи на секунду посмотрел на него, потом так же молча положил сэндвич обратно.

Лу Синьянь:

— ...

В итоге завтракали молча, прямо на кухне — даже до обеденного стола не дотащили. Цзян Цзи выбрал пельмени и жевал их с каменным лицом. Лу Синьянь сидел напротив, злобно откусывая свой сэндвич так, будто ел чужую голову. Ну и пусть. Кому он нужен, этот Цзян Цзи. Подумаешь, «добивается». Так, развлекается. Вот и всё.

— Сегодня выходной. Ты опять в офис собрался? — выдавил Лу Синьянь, пытаясь звучать

заботливо. Хотя внутри так и чесалось швырнуть сэндвич ему в лицо.

— Не пойду, — отрезал Цзян Цзи. — С другом встречаюсь.

— С каким другом? Парень? Девушка? Где встречаешься?

— А тебе-то какое дело?

Доел последний пельмень, промокнул губы салфеткой и, не моргнув, вышел из кухни.

Лу Синьянь остался сидеть. Посмотрел на остатки сэндвича, который уже не лез. Тихо пробормотал под нос:

— Пф. Всё такой же король фальши.

Внутри свербело так, что хоть стены грызи. Кто придумал Цзян Цзи?

Иногда Лу Синьяню казалось, что в прошлой жизни он натворил что-то совсем гнусное — вот и сидит теперь наказанный этим человеком.

Весь день Цзян Цзи будто сквозь землю провалился. Лу Синьянь маялся, скучал, не знал, куда себя деть — и в итоге вернулся к своему броскому, как и он сам, хобби: включил стрим.

В жизни Лу Синьянь — ходячий бардак. На стриме же — молчаливый «крутой парень» с лицом, за которое девочки готовы почку продать. Толпа фанаток свято верила: вот он — загадочный, недоступный, немногословный.

Увы. На смену этому имиджу «молчаливого красавца» пришло жёсткое отрезвление. Лу Синьянь сменил название стрима на: «Что делать, если не можешь добиться краша? Учите меня!» — и с порога словил в чате целый лес вопросительных знаков.

— Стример, ты что, теперь абстрактным искусством занялся? — удивлялись одни.

— Пиаришься? Или решил переквалифицироваться в лав-блогера? — подначивали другие.

— Ну а что? — Лу Синьянь вздохнул и посмотрел в вебку глазами побитого кота. — Нельзя по-человечески помощи попросить?

Чат взорвался ржачом.

Параллельно Лу Синьянь кликал мышкой и на автопилоте вещал, какой Цзян Цзи (без имён и пола!) невменяемый, холодный, несговорчивый — при этом сам увлёкся и выдал про характер больше, чем собирался.

Но помощи — ноль. Только приколы и новая волна фразочек от зрителей. Все уверенно решили, что речь идёт о какой-то «ледяной богине» — и посыпались вопросы:

— Она хоть красивая?

— Ну настолько красивая, раз ты тут как щенок?

— Что она с тобой сделала? Чёрную магию?

— Ты ей кто вообще — поклонник или бесплатный курьер?

Лу Синьянь смутился, щёки предательски залились румянцем:

— Да что там... нормально выглядит. Сойдёт.

Чат взвыл моментально:

— «Сойдёт» — ага, а сам покраснел! Сто пудов красotka!

— Да ты сам симпатичный, чего ты стелешься?

— Она что, «младшеньких» не любит? Так возьми бейджик «старший» и всё!

— Ты перед ней краснеешь? Братан, минус сто к харизме сразу!

— Правда?.. — Лу Синьянь завис, глядя в вебку. Он что, реально краснеет при Цзян Цзи? Так-то со стороны себя не видно...

Чат продолжал катать его по полу:

— Срочно стрим со свидания давай, покажи эту Снежную Королеву!

— А мы в чат сердечки спамить будем!

— Говорят же — ломай лёд телом!

Лу Синьянь закрыл глаза, стукнулся лбом о стол и тихо простонал:

— Провал — мать успеха... провал — мать успеха...

Неловкость пробила его по голове: может, он вообще выбрал не ту стратегию? Думал — Цзян Цзи весь из себя альфа, значит, надо быть пушистым котиком, строить глазки, умилять. А вдруг этот придурок как раз терпеть не может таких «милых»?

И кто ему тогда нравится? Такой же «начальник с замашками»? Например... этот Ли... Ли Лин?

Лу Синьянь аж дёрнулся. Неужели сегодняшний «друг» — как раз тот самый Ли Лин?

Вот чёрт.

Чем он лучше-то? Лицо среднее, лет больше, чем надо, бабки — ну и что? У него, Лу Синьяня, денег мало, что ли? Да он ещё и красивее в десять раз.

Цзян Цзи точно слепой. Или с таким вкусом, что хоть плачь. Так и видится картина будущего: выйдет однажды из шкафа с каким-нибудь лысым кабаном. Фу, позорище.

Лу Синьянь так раскрутил себя своими фантазиями, что голова начала гудеть. Всё это бешенство он слил в игру — результатом стали рекордные фраги.

Честно говоря, играть он умел от бога. И для стрима был идеален. С одной стороны — лицо, ради которого половина чата донатит не глядя. С другой — эта маска «холодного красавца»: скажет что-нибудь с каменным лицом — и весь зал хохочет. С тиммейтами в голосе он тоже умел — отпускал такие мимоходом, что зрители цеплялись за трансляцию до последней минуты.

Так и протянул до вечера — вроде всё под контролем. Но дверь в его комнату всё это время оставалась чуть приоткрыта — ухом ловил каждый звук в коридоре. Вдруг вернётся?

Но Цзян Цзи не вернулся. До самого конца стрима — пусто.

А ведь он почти никогда не ночует вне дома. Разве что по работе.

Лу Синъянь весь извёлся. Тыкал в клавиши, проверял телефон, снова кликал мышкой — потом не выдержал и набрал сам.

Гудки. На том конце кто-то перекрывал телефон музыкой — громко, с гулким эхом. Бар или караоке — одно из двух.

Голос Цзян Цзи взял трубку не сразу, ленивый, с хрипотцой, будто только что развалился на диване:

— Чего хотел?

— Ты где? Почему не дома? — Лу Синъянь пытался звучать спокойно, но получилось только хуже.

Пара секунд молчания — и снова гудки. Цзян Цзи просто сбросил.

— ...

Что?

Он сбросил?

Лу Синъянь уставился на тёмный экран так, будто кто-то вмазал ему по лбу. Зажмурился, сжал зубы и три раза проговорил про себя: «Мне всё равно. Он мне никто. Мне-то что.»

Но почему-то не отпускало. Сердце всё равно колотилось так, будто его кто-то специально поддразнивал.

Честно говоря, Лу Синъянь и сам иногда не понимал, зачем он вцепился в этого человека как клещ. Ну не нужен он ему — объективно. Цзян Цзи не делает даже вид, что рад его видеть. Скорее наоборот — будто бы каждый раз проверяет, сколько ещё он стерпит. И что дальше? Даже если Лу Синъянь вдруг чудом его «победит» — толку-то? Цзян Цзи это не заденет. Он просто посмотрит своим ледяным взглядом — и всё.

Шансы вроде бы есть. Только зачем эта победа, если она пустая?

А от этого бесило ещё сильнее. Лу Синъянь сидел перед монитором, сжимал кулаки, чувствовал, как где-то под рёбрами всё стягивается. Нос щипало — ну да, круто, мужик. Вот и спи теперь. Но спать он не хотел — пока этот гад не вернётся домой.

А Цзян Цзи действительно набрался.

Торчал в баре. Напротив него сидел сегодняшний «спутник». Ирония в чистом виде: этого «спутника» ему подогнал Ли Лин.

Всё оказалось просто: Цзян Цзи намекнул, что не прочь скрасить вечер не в одиночку. Ли Лин — человек без комплексов — только обрадовался. Сам он в категорию «вечернее развлечение»

не вписывался — не в Цзян Цзи вкусах был. Зато быстро выудил «милого мальчика» — покладистого, как надо.

С виду — нормальный. Манеры — приличные. Придаться было не к чему.

В теории — идеально. Хоть долгосрочную «дружбу по интересам» строй.

Но сидели они друг напротив друга уже который час — а Цзян Цзи откровенно клонило в сон. Честно говоря, даже поспорить с Лу Синъянем было бы веселее. Хоть какой-то цирк и свежий повод для фейспалма.

Бедолага напротив не закрывал рот — скакал с одной унылой темы на другую. Сначала успел обсудить всех своих дружков, которых Цзян Цзи в глаза не видел. Потом зачем-то залез на Трампа. Потом перескочил на новый айфон и начал гадать, подорожает ли он из-за пошлин...

Цзян Цзи лениво подлил масла в огонь занудства:

— Значит, ты фанат «яблока»? А я вот только Huawei держал.

Парень аж привстал от рвения:

— Не-не-не! Я тоже вот думаю на Huawei перейти!

Цзян Цзи так демонстративно зевнул, что тот аж съёжился.

В этот момент зазвонил телефон — Лу Синъянь набирал во второй раз.

И вот тут Цзян Цзи впервые подумал: «А ведь иногда эта “заноза” реально бывал кстати». Он кивнул на телефон и с мрачной скукой буркнул своему зануде:

— Извини, дома срочно надо быть. В другой раз.

Тот вздохнул, простился печально, а Цзян Цзи вышел из бара, сел в машину и вольготно устроился на пассажирском, дожидаясь Лу Синъяня.

Лу Синъянь приехал на такси. Было уже почти двенадцать. Цзян Цзи выпил немало — но держался нормально, не шатало. Сидел, глаза прикрыл, только дверь хлопнула — он тут же протянул руку и швырнул ключи Лу Синъяню.

— Ты что, один пил? — Лу Синъянь оглядел парковку с видом детектива. — С кем пил-то?

Цзян Цзи молчал. Улица светилась неоном — всё это разноцветье падало на его лицо, и оно казалось ещё белее. Лу Синъянь пару секунд просто тупо смотрел.

Он пристегнулся, потом нагнулся и щёлкнул ремень на Цзян Цзи. Тронулся с места и, едва проехав квартал, решил выбить себе премию.

— Цзян Цзи, — сказал он нарочито невинным тоном. — Я тут тебе таксистом подрабатывал — ты же не думал, что это бесплатно?

— И что тебе надо? — отозвался Цзян Цзи, даже не открыв глаз.

После выпивки у Цзян Цзи голос становился особенно низким, бархатным — Лу Синъяню аж в ушах звенело. Все обиды за день как рукой сняло.

Что забавно — стоило Цзян Цзи хоть пару секунд говорить с ним по-человечески — и всё, Лу Синъянь забывал, что обычно этот тип бесил его до нервного тика.

Да и плевать — у него же был план.

— Может, подскажешь уже, как тебя нормально добиваться? — выдал Лу Синъянь прямо, без прикрас.

Цзян Цзи приоткрыл глаза:

— Ты что, не можешь отстать?

— Не могу, — Лу Синъянь даже ухмыльнулся. — Ты что, собрался до конца жизни один куковать? Всё равно ведь с кем-то будешь — так уж пусть будет тот, кто под рукой. Что добру зря пропадать? Наши родители ради этого и поженились — чтобы мы вот так потом сидели в машине, понял?

Цзян Цзи усмехнулся уголком губ:

— ...Ты бы отцу своему это рассказал. Посмотрел бы я.

<http://bllate.org/book/12484/1111993>